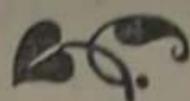

С 209
146

СТЕНДАЛЬ

КРАСНОЕ

И

ЧЕРНОЕ

ХРОНИКА 1830 ГОДА

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1951

ПРЕДИСЛОВИЕ

Анри-Мари Бейль (1783—1842), выступавший в печати под различными псевдонимами, в том числе и под именем Стендаля, — крупнейший французский писатель-реалист прошлого века. Ему было шесть лет, когда разразилась французская буржуазная революция 1789 года. Окончив гренобльскую центральную школу в 1800 году, он вступает в ряды армии Наполеона, участвует в итальянском походе, в русской кампании 1812 года. На его глазах рушились и возникали государства, перекраивалась карта Европы. «Наблюдатель человеческого сердца», как он сам называл себя, Стендаль много путешествовал, пытливно вглядываясь в облик нового века, накапливая наблюдения над обществом своего времени, вынесенные из военных и туристских скитаний, из гостиниц и министерств.

Многообразна литературная деятельность Стендаля. Он выступает с трактатами по истории музыки и живописи («История живописи в Италии», «Жизнь Гайдна, Моцарта и Метастазио», «Жизнь Россини»), как литературный критик и теоретик («Расин и Шекспир» и др.), автор воспоминаний («Воспоминания эгоиста», «Жизнь Анри Брюлара»), создатель больших романов («Арманс», «Красное и черное», «Люсьен Левен», «Пармский монастырь»), новеллист («Итальянские хроники»).

Стендаль пришел в литературу зрелым, сложившимся человеком в годы Реставрации, когда дворяне и церковь пытались вернуть Францию к до-революционным порядкам. Важно отметить глубокое влияние, которое оказали на Стендаля произведения лучших, передовых писателей-просветителей и события, связанные с революцией 1789 года.

Писатель пронес через всю свою жизнь непримиримую ненависть к тирании и деспотизму. Нескрываемым презрением встречал Стендаль и новое общество стяжателей, возникавшее на его глазах, царство черной реакции и торжествующего тупого мещанства. Французская буржуазная революция не осуществила мечтаний о «золотом веке» человечества, которые лелеяли просветители XVIII столетия и которые оказались весьма далеки от жестокой правды жизни, от победоносно утверждающего себя «трезво-практического буржуазного общества» (Маркс). Стендаль остро чувствовал трагический разлад между стремлениями передовых людей прошлого века и торгашескими идеалами современности, между «допотопными гигантами» революции и тогдашним героем времени, сидевшим в коммерческой конторе.

Писатель искал образцов неувядающей энергии и сильных страстей, поднимающих человека над тусклыми, торгашескими интересами времени. Так, например, он пытался найти их в среде итальянских революционеров-

карбонариев, боровшихся против австрийского ига. Стендаль стремился обнажить и вынести на поверхность скрытую работу человеческих страстей.

Что же представляют собой романы Стендаля?

В своей совокупности романы Стендаля воссоздают историю общества эпохи Реставрации («Арманс», «Красное и черное», «Пармский монастырь») и эпохи Июльской монархии («Люсьен Левен»). В них раскрываются исключительные по остроте и правдивости социальные картины действительности, выстраивается парад мрачных и зловещих образов иезуитов и торгашей, продажных чинуш и оступевших дворян.

Провинциальные буржуа и дворяне, с головой ушедшие в накопление богатства, коварные и алчные агенты католической церкви, раскинувшей свои сети над всей страной, столичная знать, жаждущая возвращения своих привилегий. Такой, в дыме каминов и шопоте иезуитских доносов, предстала перед Стендалем Франция эпохи Реставрации.

Армия, растерявшая былые революционные традиции, знающая только войны с голодными рабочими; погрязшее в интригах и жаждущее реванша провинциальное дворянство; разгул биржевой спекуляции; жульничество и продажность государственного аппарата сверху донизу — такой увидел Стендаль Францию в период Июльской монархии.

Стендаль — замечательный мастер в обрисовке второстепенных и эпизодических персонажей, которых он наделяет характерными чертами, свойственными целым классам общества. Изоощренная во многолетних странствованиях наблюдательность автора сказывается здесь блистательным образом. Такими эпизодическими фигурами богаты романы Стендаля. Достаточно указать хотя бы на роман «Люсьен Левен». Немногословно, но точно, часто одной фразой характеризуются, например, политические «идеалы» обитателей аристократического квартала Нанси. Так, де Сан Реаль, самый богатый помещик во всей округе, убежден в непреложности одной истины: нельзя обойтись в деле управления департаментом без палача. Маркиз де Пюи-Лоран носит с планом второй Реставрации: «иною средства нет, как помощь иезуитов, которым лет на сорок дана будет законом диктатура в деле воспитания масс».

Стендаль выводит целую галерею, казалось бы, эпизодических действующих лиц, но в этих образах воплощаются существенные черты французской действительности. Их поведение, как правило, продиктовано соображениями вульгарного, низменного порядка в быту и глубоко реакционными взглядами в политике. Печать крайней духовной узости, ограниченности лежит на большинстве этих персонажей. Гонители всякой оригинальности, свободы и независимости человека, они вырастают в каждом новом романе Стендаля в страшную косную, тупую силу, нетерпимую ко всему живому и творческому. Духовный сын передовых мыслителей XVIII века, Стендаль вносит в свои романы дух яростного отрицания и беспощадной критики современной ему действительности как изменной. Но Стендаль пошел дальше своих духовных учителей, ибо за его плечами был богатый исторический опыт. Просветители еще могли верить в буржуа как в существо доброе и разумное, они видели в нем «естественного человека». Стендаль же разглядел в нем его подлинную антиобщественную торгашескую сущность.

На этом социальном фоне Стендаль выводит своих главных героев. Его «молодой человек» имеет свои представления о существовании, достойном человека, о гражданском долге, без которого невозможна осмысленная и содержательная жизнь, он жаждет личного счастья, которое находилось бы в согласии с его гражданской совестью.

Молодые герои, рвущиеся к кипучей деятельности, тренирующие себя духовно для «великого дела», на свершение которого их могут призвать, при первом же столкновении с действительностью жестоко разочаровываются в ней. «Великих дел», свершить которые они чувствуют себя призванными, не существует в обществе, охваченном низменными, меркантильными интересами. Но, несмотря на постигшее их разочарование, они все же пытаются играть активную роль в жизни, осуществить свою мечту о счастье. Они стараются приспособиться к окружающему. Но эти попытки оказываются тщетными. В конце концов герой подвергает решительному осуждению свои честолюбивые планы, заботы о карьере, свое желание «жить как все». Уходом из жизни он спасает свое человеческое достоинство, отказывается покупать счастье слишком дорогой и страшной для него ценой собственного морального растрепания.

Молодой итальянец Фабрицио из романа «Пармский монастырь» уходит в монастырь хоронит надежды на возможность героического служения обществу и на личное счастье. Герой романа «Арманс» Октав принадлежит к старинному аристократическому роду. Он богат, любим, занимает видное общественное положение. Стендаль наделяет его мучительным сознанием несправедливости собственных привилегий, его тяготит жизнь касты, замкнутой, отрешенной от всего живого. Октав мечтает стать химиком или машинистом и жить на пять франков в день. Гибель героя в финале романа подчеркивает трагическое бессилие личности в ее стремлениях найти дорогу к полноценному существованию в условиях буржуазной действительности.

Также трагично складывается судьба Люсьена — главного героя романа «Люсьен Левен». Обуреваемый жаждой подвигов во имя родины, он вступает в ряды армии. Убогая, бессмысленная гарнизонная жизнь время от времени прерывается «подвигами»: так, полк Люсьена бросают на подавление бунта голодных ткачей. Обманутый в лучших своих ожиданиях, Люсьен решает уйти из армии и поступить на службу в министерство. Грязные и преступные махинации министра и его приближенных, озабоченных только личной наживой, отвратительная комедия с выборами в палату депутатов в провинции — все это заставляет героя, отчаявшегося найти смысл жизни, бежать за пределы «прекрасной Франции».

Венцом в галерее «молодых героев» Стендаля можно считать образ итальянского революционера карбонария Миссирилли («Ванина Ваннини»). Знатная и богатая римлянка, влюбленная в Миссирилли, тайно выдает полиции его боевых товарищей, надеясь тем самым заставить его отказаться от революционной борьбы. Узнав о предательстве, карбонарий не хочет такой ужасной ценой платить за возможность личного счастья, ибо для него выше всего счастье его народа, и поэтому он предпочитает погибнуть от рук врагов своих, вслед за друзьями... То, что возвышает героев Стендаля над алчной беспринципной средой, — это отказ платить за «счастье» такой страшной ценой, понимание самого счастья, которое у Люсьена соединяется

с представлением о душевной отваге и долге. «Молодые герои» Стендаля заблуждаются, не могут устоять перед соблазнами и искушениями окружающей их развращенной среды, но в конце концов над пошлым благоразумием в них берет верх благородство.

«Красное и черное» — наиболее популярный роман Стендаля. Его высоко ценил А. М. Горький, называя одним из лучших романов мировой литературы. Роман увидел свет в ноябре 1830 года. Канвой сюжета для «Красного и черного» до некоторой степени послужил уголовный процесс Антуана Берте. К такому выводу можно прийти, если сопоставить факты, изложенные в самом романе, с данными судебного процесса в Судебной газете. Подсудимый — семинарист Антуан Берте, выходец из семьи бедного ремесленника, — был одно время воспитателем в доме некоего буржуа Мишу. Уйдя из дома Мишу, Берте поступает в семинарию, а затем становится учителем. Он винит в неудачах, преследующих его, г-жу Мишу, требует от нее в письмах, чтобы она помогла ему в его карьере. Доведенный до отчаяния своими неудачами, Берте стреляет сначала в г-жу Мишу, а потом в себя. Г-жа Мишу была лишь ранена. Суд приговорил Берте к смертной казни.

Сюжетная схема романа в общих чертах воспроизводит уголовную хронику из газеты. В Жюльене Сореле без труда можно узнать Антуана Берте, в г-же Реналь — Мишу; и маркиз де ля Моль и Матильда скопированы с живых людей.

Уголовная хроника под пером Стендаля выросла в блестящий социально-психологический роман, в хронику нравов общества Реставрации, в широкое обобщение судеб молодого поколения эпохи.

В широком, историческом смысле в романе отражен переход Франции к бесславному времени Реставрации, когда для необеспеченных демократических слоев общества исчезла почти всякая возможность проявления своей энергии и способностей. Жюльен Сорель, сын плотника, мог бы, родись он раньше, рассчитывать на военную карьеру, стать соратником Наполеона. Наделенный огромным честолюбием, он несет в себе «несокрушимое желание скорее тысячу раз умереть, чем не выйти в люди». В обществе же ханжей, сутяг и льстецов для него открыт лишь единственный путь к продвижению — сутана священника.

Жюльен Сорель, плебей, вступает в поединок с обществом, в котором для него нет места. Жюльен чужд окружающей его социальной среде. Это определило характер конфликта между ними и самый трагический исход борьбы. В Жюльене резко подчеркнута склонность к глубокому самоанализу, потребность тщательно взвешивать свои желания и поступки. Это обусловлено его положением в обществе. Он — во враждебном окружении; малейшая оплошность с его стороны, и он может поплатиться головой.

На протяжении романа Жюльен часто занимается самоанализом, подвергая критике свои чувства и восприятия, но не для того, чтобы уклониться от действия. Правильно мыслить и рассчитывать, чтобы правильно действовать, — таков смысл рассудочности Жюльена. Вырванный обстоятельствами из своей среды, предоставленный самому себе в доме Реналья, в семинарии, в Париже, Жюльен подобен путнику, попавшему в непроходимую чащу, — на каждом шагу его подстерегают смертельные опасности. Вот эпизод, типичный для поведения Жюльена: после одного из столкновений с Реналем

Жюльен удаляется в горы. «Ему нужно было хорошенько разобраться в собственной душе и дать волю обуревавшим его чувствам. «Я выиграл битву, — сказал он себе, как только очутился в лесу, где никто не мог его видеть, — да, я выиграл битву». Мысль эта представила ему все случившееся с ним в самом выгодном свете и вернула ему душевное равновесие».

Вечно настороженный, ко всему подозрительно относящийся, готовый дать отпор и перейти в нападение, Жюльен скрывает от окружающих свои истинные чувства и намерения. Так развивается вторая черта его натуры, обусловленная враждебным противодействием среды, — лицемерие, притворство. Стендаль подчеркивает, что лицемерие и составляет основную черту общества, главной пружиной в деятельности которого является забота о доходах.

Один только раз на обеде у священника Шелана Жюльен проговорился, обнаружив пылкие симпатии к Наполеону, он подверг себя за эту минутную слабость суровому наказанию. Постигая искусство лицемерия, Жюльен начинает говорить общепринятым языком лжи и притворства. Равнодушный к религии, он выказывает перед Шеланом необычайное рвение в изучении богословия. Как знаток библии Жюльен блистает на обедах у Валено и Реналя и становится «чудом» веррьерского общества. В семинарии «долгие упражнения в аскетическом благочестии.., — все то, что раньше казалось ему такой скукой смертной, стало для него самым интересным занятием».

Стендаль ведет своего героя с одной ступени на другую — из Веррьера в Безансон, затем в Париж. С каждой новой ступенью, на которую он поднимается, он приобретает все больше жизненного опыта, узнает людей, постигает искусство интриги. Во времена Стендаля теме формирования сознания молодого человека посвящают свои произведения крупнейшие писатели эпохи. Достаточно указать хотя бы на Растиньяка — героя «Человеческой комедии» Бальзака. Растиньяк приезжает в Париж неопытным юношей, полным светлых надежд на будущее. Действительность быстро освобождает его от иллюзий, он усваивает волчьи повадки в безжалостной борьбе за «положение» в обществе. Так становится он «полноправным» участником в беспощадной битве эгоистических интересов. Прежний Растиньяк — наивный провинциал — уступает место хладнокровному карьеристу.

Тема судьбы молодого человека получила в романе «Красное и черное» своеобразное идейное и художественное освещение. Жюльен в Веррьере живет книжными представлениями о мире, его воодушевляет «пример Бонапарта», он мечтает о великих делах и героических подвигах. Окружающее «леденит его воображение». Но у него нет еще настоящего знания жизни. Веррьер цепко держит его в плену провинциальных представлений, сковывает его сознание.

Попав в семинарию, Жюльен жаждет доказать свое превосходство, выдвинуться на первое место. Вместе с тем в нем живет страх, он страшится показать настоящую силу. Он стремится то обособиться, встать над семинарской средой, то прилагает усилия слиться с нею.

В Париже Жюльен овладевает «искусством жизни». В нем углубляется цинически трезвое отношение к людям и событиям. Валено, получив титул барона, приезжает в Париж и просит Жюльена представить его маркизу де ля Моль. «И правда, следовало бы, — подумал Жюльен. — Но такого

мошенника!» Узнав об отказе Жюльена, де ля Мошь предлагает пригласить Валено даже к обеду. Начиная понимать всю условность отношений в светском обществе, где мошеннику готовы оказать почести, Жюльен иронизирует: «В таком случае, я прошу у вас место директора дома призрения для моего отца» — и слышит в ответ: «Согласен. Я, признаться, опасался нравов учений. Вы, я вижу, исправляетесь». Жюльен действительно «исправляется». Он добивается места содержателя веррьерской лотерейной конторы для «старого дурака» — Шолена, тогда как это место должно было достаться более достойному человеку — математику Гро. Жюльен цинично оправдывает себя: «Пустяки, мало ли мне предстоит совершить всяких несправедливостей, если я хочу преуспеть, да еще надо будет научиться прикрывать все это прочувствованными фразами». Так в Жюльене появляются как бы два человека, и один из них — ядовито посмеивающийся над возвышенными порывами второго.

До сих пор жизнь Жюльена складывается по образцу, типичному для множества молодых честолюбцев эпохи. Однако судьба стэндалевского героя только до известных пределов повторяет судьбу карьеристов, «завоевателей жизни» из романов Бальзака. Вольнодумец Стендаль с его ненавистью к миру иезуитов и торгашей избрал своим героем человека, который не укладывается в стандартный образ «стяжателя» и ханжи. Лицемерием, беспринципным карьеризмом далеко не исчерпывается его внутренний облик. В нем есть определенные черты, превращающие его образ, близкий автору романа.

Сын крестьянина, существо низшее в мире Реналей и де ля Мошь, Жюльен глубоко одинок. Желание во что бы то ни стало вырваться за пределы собственного сословия заставляет его бросить вызов всему обществу. Стендаль подчеркивает его затерянность, его *социальную неприкаянность*. «Это был, — говорит Стендаль, — глубоко несчастный человек, воюющий с целым обществом». Или: «Он был один-одинешенек, словно челн, брошенный посреди океана». Огромная внутренняя сила и энергия бурлит в Жюльене, не находя достойного для себя выхода. Стендаль отмечает, что ненависть Жюльена к г-ну де Реналь не заключала в себе ничего личного, в г-не де Реналь олицетворяется для него вся каста собственников. «Все они (дворяне) больше всего должны бояться того класса смелых людей, которые, получив хорошее образование, не имеют достаточно средств для выбора себе карьеры. Что бы стало с этими дворянами, если бы нам было позволено бороться с ними равным оружием?»

Стендаль недаром говорит о нравственном одиночестве Жюльена. «Если какой-либо поступок казался ему превосходным, то он обязательно возбуждал их (веррьерцев) порицание». Наделенный артистически восприимчивой, впечатлительной душой, «созданной для любви к прекрасному», Жюльен одинок в своих восторгах перед нравственной и физической красотой жизни. Воображение часто создает для него особый мир, в котором исчезает все грязное и уродливое. «Никогда, — заключает Стендаль, — из него не выйдет ни хорошего священника, ни хорошего администратора. Души, способные так умиляться и возбуждаться, могут производить только художников».

После покушения на жизнь г-жи де Реналь Жюльен вступает в последний круг своей жизни. Сброшенный с высот почти достигнутого «блестя-

шего положения» в тюремный каземат, поставленный лицом к лицу со смертью, Жюльен беспощадно переосмысляет собственное поведение, переоценивает все пережитое и виденное. Богатство и общественное положение Валено и ему подобных избавляет их от необходимости стать уголовными преступниками, в этом их «преимущество» перед сыном плотника. Горечь поколений, выросших после революции 1789 года, звучит в страшном выводе Жюльена: «Никакого *естественного права не существует...* Право возникает только тогда, когда объявляется закон, запрещающий делать то или иное под страхом кары. А до того, как появляется закон, только и есть *естественного*, что львиная сила или потребность живого существа, испытывающего голод или холод, словом — *потребность...*» Звериная борьба за существование превращает людей в разъединенных и изолированных друг от друга существ. «Каждый для себя в этом мире». Жюльен возвышается до понимания трагедии собственного существования. Ему ясно теперь, что в обществе, в которое он прокладывает себе путь, «одно лицемерие или, по меньшей мере, шарлатанство, даже у самых добродетельных, даже у самых великих». На суде он бросает в лицо присяжным, что видит в себе «простолюдина, возмущившегося против своего низкого жребия», что негодующие буржуа в лице судей на его примере пожелают «наказать... эту породу молодых людей низкого происхождения, задавленных нищетой, коим посчастливилось получить хорошее образование, в силу чего они осмелились затесаться в среду, которую высокомерие богачей именуется хорошим обществом». Так личная трагедия Жюльена Сореля получает в романе широкое социальное обобщение, приобретает исторически значительный смысл.

В лице Жюльена Стендаль дает один из вариантов излюбленного им образа человека неиспользованных, нереализованных социальных возможностей. Перед смертью у Жюльена открываются глаза на людей, морально возвышающихся над тем обществом, к которому он так стремился. Эти люди способны на самоотверженную любовь (г-жа де Реналь), на глубокую дружбу (Фуке). Но судьба героя остается незавершенной. Жюльен отказывается от всяких предложений, направленных к его освобождению. Выбор между жизнью и смертью стоит перед Жюльеном как выбор между подлостью и возможностью сохранить незапятнанным достоинство и благородство души. Именно в беспокойном, ищущем начале, свойственном молодым героям Стендаля, в трагедии социальной и нравственной неприкаянности состоит обаяние стендалевских романов.

От романа веет дыханием великой ненависти к растленному обществу Реставрации. Далеким от натуралистического бытописательства, Стендаль берет общественную жизнь времени в немногих планах, исполненных мощной выразительности. Провинция эпохи Карла X оживает в фигурах, поражающих своей глубокой типической правдивостью. Краткую, но исчерпывающую характеристику того общества, в котором начал свою карьеру Жюльен, мы находим почти в самом начале романа: «Грубость и самая зверская бесчувственность ко всему, что не имело отношения к наживе, к чинам или крестам; слепая ненависть ко всякому неугоднему им суждению...»

Стендаль не посвящает нас в подробности коммерческих операций, которые ведет де Реналь — мэр городка и промышленник, самое богатое и

самое «аристократическое» лицо в Веррьере. Беспредельная алчность, холодный безжалостный эгоизм, кастовое высокомерие, крайнее духовное убожество — таковы черты «столпа» Веррьера — де Реналь, отражающие духовный облик верхушки провинциального общества. На вершине веррьерской общественной лестницы стоит и Валено — вор и мошенник, обкрадывающий обездоленных бедняков и получающий за свои «заслуги» перед обществом титул барона. Два стремления движут поведением Реналей и Валено, определяют их отношение к миру: жажда накопления богатств и животный страх перед народом, который может вновь «повторить террор 1793 года».

В сценах, посвященных изображению семинарской жизни Жюльена (и не только в них), Стендаль приоткрывает завесу над могущественной и страшной силой эпохи — иезуитской конгрегацией. Протянув свои зловещие щупальцы по всей Франции, иезуиты стали активной силой монархической реакции, душившей все передовое в стране. Г-жа де Реналь рассказывает, например, Жюльену, что слуги их дома состоят в местном иезуитском обществе. «Мы вносим туда по двадцать франков за каждого слугу, чтобы они нас в один прекрасный день не прирезали, если опять наступит террор 1793 года». Одной этой детали достаточно, чтобы получить ясное представление об идейной роли иезуитских объединений того времени. Аббат Кастанэд, один из носителей реакционно-церковного мракобесия, руководит шпионской слежкой за поведением и образом мыслей семинаристов, он из тех, кто, по мнению Жюльена, «не гнушается никакими преступлениями». Рядом с ним — карьерист, проходимец в сутане — аббат де Фрилер, вожак безансонской конгрегации, «чьи донесения в Париж приводили в трепет судей, префекта и даже высшее начальство гарнизонного штаба».

Вместе с Жюльеном мы проникаем в высшие общественные сферы Парижа. Молодые носители громких исторических фамилий напоминают ходячих манекенов, механических кукол. Пустые, мертвые, лишённые смысла светские условности заполняют их бесцельное, паразитическое существование, и лишь чувство смертельного страха перед народом гальванизирует эти живые трупы.

В первые годы Реставрации монархисты прилагали усилия, чтобы затянуть пребывание иностранных войск оккупировавших Францию. Перспектива остаться наедине, лицом к лицу с собственным народом приводила в смятение лагерь дворянской реакции. Жюльен участвует на тайном совещании ультрамонархистов, ездит в Лондон с секретным поручением маркиза де ля Моль, связанным с попыткой дворянских верхов укрепить свое господство, опираясь на силу чужих армий. В сцене, изображающей конспиративное собрание монархистов, роман Стендаля перерастает в острый политический памфлет.

«Горе всякому, кто возвышается над средним уровнем!» — это восклицание Стендаля можно было бы поставить эпиграфом ко всему его роману, с такой большой силой заклеившему черную эпоху реакционного безвременья. Роман Стендаля навсегда вошел в мировую литературу как произведение, насыщенное непримиримой ненавистью ко всему отжившему и реакционному.

А. Иващенко